

МАНИПУЛЯЦИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*И. О. Беляева (Армавир, Россия)
И. В. Томашева (Армавир, Россия)*

В современном мире медиатексты являются одной из самых распространенных форм реализации языка. Суть термина «медиатекст» как продукта массовой информационной деятельности и массовой коммуникации заключается в выражении конкретной информации с целью влияния на общественное мнение и формирование определенных убеждений. Отмечается, что интерес к языку массмедиа обусловлен многими факторами, но, прежде всего, его способностью фиксировать самые актуальные тенденции развития языковых систем. Помимо этого, являясь самой открытой из всех других коммуникационных сфер деятельности человека, язык, используемый в медиадискурсе, выступает в роли посредника между автором и читателем медиатекста.

Анализ научной литературы данной тематики свидетельствует о большом интересе западных и отечественных ученых к проблеме изучения медиатекстов. Как отмечает Л. Г. Антонова, медиатексты создаются часто как продукты корпоративной культуры, отражают все особенности миро- и самоощущения современного человека: интертекстуальность, эмоциональность, мультипликативность (клиповость), персонифицированность, при этом медиатексты фиксируют реальные события, погружая их в нестабильное, меняющееся социокультурное пространство и нагружая их дополнительными информационно-культурными смыслами [1, с. 275]. Известный исследователь языка СМИ А. Белл указывал на тот факт, что «определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы...» [6, с. 56]. В свою очередь, как справедливо отмечает Г. С. Мельник, с точки зрения их влияния на аудиторию возможно классифицировать следующим образом: а) тексты, рассчитанные на одновременное воздействие на конкретно социальные институты и на сознание массовой аудитории; б) тексты, целью которых является воздействие на сознание массовой аудитории, принципиально рассчитанные на немедленный отклик какого-либо лица или социального института; в) тексты, рассчитанные на мгновенную реакцию, требующие вмешательства в реальную деятельность и не рассчитаны на влияние на сознание массовой аудитории; г) нейтральные тексты, которые не рассчитаны на мгновенную реакцию [3, с. 136].

В то же время представляется важным рассмотреть лингвокультурологическую оппозицию СВОЙ :: ЧУЖОЙ, которая формирует когнитивную и ценностную систему знаний, отражает уникальность восприятия и интерпретацию реального мира, что в свою очередь, обуславливается особенностями конкретной культуры. Взаимоотношения «Своего» и «Чужого» охватывают все стороны жизни социума и во многом определяют его сознание. Социальное взаимодействие часто выстраивается через лингвокультурологическую оппозицию, основанную на представлениях о категориях «Свой» и «Чужой».

Обращает на себя внимание тот факт, что на современном этапе развития лингвисты не могут прийти к единому мнению относительно онтологической сущности категорий «Свой» и «Чужой». Некоторые исследователи рассматривают их как семантические, концептуальные, лингвокультурологические категории, категориальный комплекс, концептуальную оппозицию и т. д. Так, по утверждению А. И. Соловьева [4], действия «Своего» всегда считаются «правильными», что противопоставляется действиям «Чужого» как «плохим» и «неправильным». Таким образом, подобное противопоставление положительной и отрицательной оцен-

ки является одной из оценочных оппозиций, в контексте которой могут быть реализованы категории «Свой» и «Чужой».

Обзор научной литературы, посвященной аспектам категории оценки, позволяет утверждать, что единого мнения в вопросе о месте нормы на оценочной шкале не существует. Например, Н. Д. Арутюнова и Е. М. Вольф соотносят норму со знаком «+», таким образом, норма соотносится с позитивной оценкой. В свою очередь, знак «-» представляет собой негативную оценку соответственно [2]. Это заявление дает основания рассматривать оценку как явление с двухкомпонентной структурой. Тем не менее С. С. Хидекель и Г. Г. Кошель при описании оценочной шкалы выделяют в центре точку между ранее обозначенными знаками «+» и «-». Располагаясь посередине, она служит эталоном, с которым связывают норму оценочного качества [5, с. 11]. По нашему мнению, наиболее последовательной является двухкомпонентная структура оценочной шкалы, где норма совпадает с положительным краем.

В рамках данной статьи нами были отобраны англоязычный [8] и франкоязычный [7] медиатексты, посвященные теме обмена граждан РФ и США, приговоренных к отбыванию тюремных сроков за совершенные преступления. Отметим, что актуальность настоящего исследования связана с текущей информационной повесткой, которая находит отражение в медиадискурсе.

Названия анализируемых статей *Who is Viktor Bout?* [8] и *Qui est Viktor Bout, ancien trafiquant d'armes échangé contre la basketteuse Brittney Griner?* [7] имеют схожую грамматическую структуру, выраженную в виде вопроса, что относится к группе синтаксических средств актуализации оценки в конструкциях заголовков статей. Посредством вопросительных предложений авторы медиатекстов устанавливают контакт с читателем, изначально негативно оценивая Виктора Бута и причисляя его к категории «Чужой».

Более того, манипулирование имплицитными смыслами через введение онима оставляет свой след непосредственно в сигнификате, т. е. в самом обозначении Виктора Бута, а не Бритни Гринер. В исследуемом материале указанный оним встречается 20 раз, в то время как гражданка США Бритни Гринер упоминается авторами лишь 4 раза. При этом в отобранных медиатекстах оним категории «Чужой» встречается в нескольких вариантах: *Viktor Bout, Mr Bout* [8] и *Viktor Bout, M. Bout* [7]. Конфигурации онима категории «Свой» не были выявлены.

Далее актуализация каждого из членов оппозиции СВОЙ :: ЧУЖОЙ происходит путем использования номенов *Moscow, the Kremlin* [8] и *Moscou, Washington, les Etats-Unis* [7] как речевой ход для констатации государственного масштаба обмена заключенными. Отметим, что категория «Свой» расширяется при помощи прилагательного *Western* и существительного *authorities* [8], с помощью которых номинируется высшее руководство США, участвующее в задержании гражданина РФ.

Противопоставление СВОЙ :: ЧУЖОЙ в отобранных публикациях далее раскрывается в конфигурационной модели «(+)*С* → (-)*Ч*», где категория «Свой», подкрепленная позитивной оценкой со стороны автора, вступает в оппозицию с категорией «Чужой» с негативной оценкой в медиатексте.

Так, например, гражданка США Бритни Гринер представляется аудитории как ...*an American basketball star held in a Russian penal colony* [8]. Данное определение субъекта возможно схематически изобразить следующим образом: «Связь с определенной нацией + общественное положение» и ...*la basketteuse Brittney Griner* [7], с моделью «Общественное положение + имя собственное» во французском медиатексте.

Похожая вариация с акцентуацией на общественном положении реализуется в цитате американского журналиста Дугласа Фараха, который написал книгу о жизни Виктора Бута: «...*un officier soviétique qui a su saisir la chance présentée par trois facteurs nés de l'effondrement de l'Union soviétique...*» [7]. Стоит отметить, что в вышеупомянутом фрагменте текста реализация оценки категории «Чужой» находит выражение в связке модального глагола *savoir* и основного глагола *saisir*, что в данном контексте коррелирует со значением «нечестно действо-

вать». По мимо этого представляется необходимым указать на то, что в фрагменте ...*Mr Bout served unsavoury tyrants such as Mobutu Sese Seko in Congo and Charles Taylor in Liberia* [8] негативное содержание категории «Чужой» дополнительно дискредитируется через введение в медиатекст лексемы *tyrants* с негативной коннотацией. Подобные примеры отображают реализацию тактики обвинения, одновременно способствуя нагнетанию негативных эмоций (страха, ощущения опасности и отвращения) у читателя и дискредитации компонента «Общественное положение» в единой конфигурационной модели.

Проведенный анализ отобранных медиатекстов, посвященный манипуляции информацией в англоязычном и франкоязычном медиадискурсе позволяет сделать вывод, что формирование категории «Чужой» является определяющим для англоязычного и франкоязычного медиатекстов. Категория «Чужой» характеризуется разным уровнем детализации в медиадискурсе. Среди самых распространенных языковых средств реализации данной категории можно выделить ряд единиц лексического уровня языка. Проявление оценочного значения в категориях «Свой» и «Чужой» характеризуется асимметрией набора языковых средства на разных уровнях в англоязычном и франкоязычном медиадискурсе. В свою очередь, категория «Свой» была менее представлена в медиатекстах, хотя упоминалась авторами для создания контраста с категорией «Чужой». Наконец, можно утверждать, что манипулятивный характер современной информационной повестки предполагает искажение представлений у читателя новостных текстов, что способствует повышению роли контекста, влияющего на реализацию оппозиции СВОЙ :: ЧУЖОЙ.

Библиографический список

1. Антонова, Л. Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Л. Г. Антонова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 275– 278.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы лингвистического значения: Оценка. Событие. Факт [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf?ysclid=lbtvj87d287531013>. – Дата доступа: 05.10.2023.
3. Мельник, Г. С. MASS MEDIA: психологические процессы и эффекты / Г. С. Мельник. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 159 с.
4. Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
5. Хидекель, С. С. Природа и характер языковой оценки / С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983. – С. 11–16.
6. Bell, A. Approaches to media discourse [Electronic resource] / A. Bell. – London : Blackwell, 1996. – p. 56.
7. Qui est Viktor Bout, ancien trafiquant d'armes échangé contre la basketteuse Brittney Griner? [Electronic resource] / Le Monde. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/12/08/qui-est-viktor-bout-ancien-trafiquant-d-armes-echange-contre-la-basketteuse-brittney-griner_6153553_3210.html – Date of access: 01.09.2023.
8. Who is Viktor Bout? [Electronic resource] / The Economist. – Mode of access: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2022/12/08/who-is-viktor-bout> – Date of access: 01.09.2023.